

— Нет, вовсе нет! Просто я тут случайно увидела и решила примерить. Хе, хе-хе...

Смущенная пристальным взглядом Бай Е, я тут же спрятала маленькие ручки за спину. Если бы они узнали, что у их повелительницы есть такая странная страсть, еще неизвестно, какому «воспитанию» меня бы подвергли. Ни в коем случае нельзя им позволять об этом догадываться, — мысленно поклялась я.

— Ско-скорее, иди примерь наряд!

Пытаясь сменить тему, я схватила приготовленную Бай Чжоу одежду, скрылась в примерочной и принялась переодеваться.

Обе девушки переглянулись и невольно тихонько захихикали.

— Не думала, что у нашей повелительницы бывает такая милая сторона. Прямо как... младшая сестренка.

Произнеся это, Бай Чжоу прекрасно понимала, что называть повелительницу своей младшей сестрой — величайшее непочтение, но в тот момент ей и вправду показалось, будто она видит озорную в детстве Бай Е.

— Эй! Правда? Выходит, у меня теперь словно появилась сестренка? Маленькая, такая миленькая... На душе прямо тепло-тепло стало.

Бай Е без всяких утаек высказала то, о чем думала, не заботясь о красивых словах. Мысли обеих девушек сошлись: вид маленькой после превращения повелительницы пробудил в них желание опекать ее как младшую сестру. Разумеется, сама виновница сего торжества оставалась в полном неведении. Все еще неумело пытаясь совладать со сложным нарядом в примерочной, она теперь горько жалела, что не спросила у Бай Чжоу, как правильно надевать эту одежду. Выбившись из сил, она скрепя сердце и против всякой воли позвала Бай Чжоу на помощь.

— Бай... Бай Чжоу, во... войди на минутку.

В голосе девушки сквозила сплошная застенчивость вперемешку с капелькой досады.

— Ах! Да, я иду.

Получив приказ, польщенная Бай Чжоу переступила порог примерочной, и первое, что бросилось ей в глаза, — это полоса белой-белой спины, распущенные волосы и сидящий на полу серебристый пушистый комочек в позе японской сидячки. Неуклюжие попытки повелительницы одеться пробудили в душе Бай Чжоу бурный материнский инстинкт: ей так и хотелось броситься вперед, заключить этот серебристый клубочек в объятия и затискать. Но

суровая выучка помогла ей сдержать этот порыв. Подойдя ко мне, она мягко распутала одежду и принялась слой за слоем облачать меня в наряд. Я сидела на скамье в примерочной, глядя в зеркало на саму себя и на хлопчущую надо мной Бай Чжоу, и невольно подумала:

— Какая мороза! И скажите на милость, разве в таком виде можно драться?

Под неторопливыми движениями Бай Чжоу кучка одежды на скамье постепенно уменьшалась. Девушка опустилась передо мной на колени и, приподняв мою ногу, начала натягивать чулки. Шелковистые белые нити скользнули по нежной коже до самого бедра; белые шелковые перчатки Бай Чжоу зашуршали, скользя по чулкам на моих ногах. Облачив обе ноги в безупречно белые чулки, Бай Чжоу бережно приподняла мою левую стопу и легким поцелуем коснулась подъема.

— Для меня великая честь одевать вас, моя повелительница.

В завершение она обула меня в изящные черные полуботинки на шнуровке. Словно заранее зная размер моей стопы, эта обувь идеально облегла ноги, плотно охватывая пальцы и щиколотки. Ниже икроножных мышц аккуратно вились черные ленты, прочно фиксирующие туфельки на моих ногах, чтобы они ни за что не соскочили.

— Мм, неплохо, у тебя отличный вкус, Бай Чжоу!

— Не смею принимать похвалу, ваше довольство — моё счастье.

Я разглядывала девушку в зеркале: черное платье в сочетании с нежными оборками смотрелось великолепно. Шлейф сзади тянулся до самых щиколоток, в то время как спереди подол доходил лишь до середины бедра, создавая совершенно особый шарм. На пояснице платье подвязывалось лентой, напоминающей черный бутон розы. Грудь прикрывал серебристый воротничок, цветом напоминавший мои волосы, а у самого горла сверкала красная пуговица-драгоценность, выглядевшая потрясающе. Черная юбка нижней части наряда создавала яркий контраст с белизной чулок, идеально подчеркивая стройность и округлые линии девичьих ног. Длинные серебристые волосы, собранные в хвосты до пояса, придавали образу аккуратность и легкую игривость. Лицо девушки оставалось совершенно естественным, ведь отсутствие макияжа и было лучшим украшением — добавь что-то лишнее, и станет чересчур, убери хоть что-то, и чего-то не хватит. В янтарных глазах застыли вертикальные зрачки, подобные драконьим. Всё это дышало экзотической экзотикой и невыразимым величием.

Девушка довольно кивнула, то и дело поворачиваясь, чтобы оглядеть себя, а то и подходя ближе к зеркалу.

— Не думала, что могу быть такой красивой. Настоящая роковая красавица! Если я так выгляжу сейчас, то когда вырасту, наверняка стану прославленной на весь материк Асдея красавицей!..... Ладно~ шучу.

Пока я любовалась отражением, Бай Чжоу словно бы напомнила мне о деле:

— Когда ваша светлость после аудиенции с Ваном Юйцзюэ изволит принять поклонение от прочих племен?

— Эй!? Н... нет разве у них определенного назначенного времени каждый год? Се... сейчас неужели так срочно?

Я вздрогнула от неожиданности, оторвавшись от зеркала, и с окоченевшим лицом обернулась к Бай Чжоу. Та же сохраняла предельно серьезное выражение лица.

— Не уйти! — подумала я.

— И... и когда назначено это поклонение?

— Отвечаю вашей светлости: завтра на рассвете сто тысяч жителей всего Города Солнца соберутся на Серебряной площади у стен Дворца Десяти Тысяч Драконов. Вожди восьми великих кланов первыми войдут во дворец, дабы предстать перед вашей светлостью и поднести дары от своих народов. Всё.

Завтра, на рассвете.....

— Эй-эй-эй!?!?!?!?

...

...

С тех самых пор вроде как повелось — и много лет спустя вроде как ходили в народе предания о том, как накануне ежегодной Ассамблеи Паломничества во Дворце Десяти Тысяч Драконов разносились отчаянные вопли некой девы, пугавшие робких и никчемных паломников.

Разумеется, та самая особа, чьи крики породили эти легенды, оставалась в полном неведении.

Дорога паломничества

— Двадцать первое июля каждого года — великий день, когда все граждане Города Солнца совершают паломничество к Богу Неба. В этом году ты достиг возраста, когда становишься полноправным гражданином Города Солнца, и теперь имеешь право участвовать в паломничестве. Сяо Цзе, в тот день держись за мамой и не отставай, тебе понятно?

Женщина из Крылатого народа наставляла сына правилам паломничества, а мальчик внимательно слушал ее.

Ему исполнилось тринадцать, и он как раз достиг возраста, позволяющего получить статус гражданина Города Солнца, а вместе с ним — право и обязанность участвовать в ежегодном паломничестве. Накануне этого события мать объясняла ему завтрашние порядки и обряды паломничества, и он слушал рассказ с огромным интересом.

Наконец-то я дождался этого дня!

Раньше Чэнь Сяо Цзе каждый год мог лишь смотреть со своего подоконника, как огромные толпы людей направляются к сердцу Города Солнца — священному Дворцу Десяти Тысяч Драконов. Но в этом году он и сам сможет присоединиться к шествию паломников, чтобы воочию увидеть божество, которому они поклоняются на протяжении тысячелетий.

Слушая рассказы людей и описания облика бога, Сяо Цзе сам рисовал в воображении его образ на основе услышанных примет. Кто-то говорил, что глаза бога подобны солнцу и луне, кто-то утверждал, будто одно его крыло способно затмить небеса, а третьи уверяли, что он облачен в золотые доспехи. Но все эти описания звучали туманно и пугающе, рисуя бога существом страшным и грозным. И все же Сяо Цзе верил, что бог в его сердце величествен и в то же время милосерден, обладает непобедимой силой и безгранично широкой душой — что он одновременно прекрасен и суров. Из-за этого он немало расспрашивал отца о внешности божества. Однако отец неизменно улыбался, трепал его по голове и отвечал:

— Когда подрастешь, станешь сильнее и обретешь силу, способную одолеть меня, тогда и сможешь лицезреть лик бога.

Он всегда отвечал так, словно забавлялся с маленьким ребенком.

Бряк...

— Я дома! А Цин.

Мужчина из Крылатого народа переступил порог, отряхивая дорожную пыль, и окинул взглядом комнату в поисках жены и сына.

— С возвращением, Тао.

Женщина по имени А Цин вышла из комнаты вместе с Сяо Цзе встречать мужа. Забрав у него корзину с провизией, она отправилась на кухню готовить ужин.

Отца Чэнь Сяо Цзе звали Тао; он был сильным воином из Крылатого народа, а заодно и вождем одного из восьми великих племен Города Солнца. Сяо Цзе, разумеется, считался наследником,

на которого возлагало надежды все племя, и в будущем, если не случится непредвиденного, должен был унаследовать отцовский титул. Сегодня, завершив все необходимые обязанности вождя, он пораньше купил продукты и вернулся домой. Завтра предстоял великий день паломничества, требующий ранней подготовки.

Глядя на хлопчущую на кухне жену и сына, который без конца засыпал его вопросами, мужчина чувствовал, как сердце наполняется теплом, а дневная усталость отступает перед лицом такого счастья.

— Ладно-ладно, Сяо Цзе, не балуйся. Завтра папа постарается изо всех сил, попробует подняться еще на одну ступень, получше рассмотрит лик нашего бога, а потом вернется и все тебе расскажет, идет?

Глядя сына по голове, Тао испытывал и вину, и надежду. Его собственная сила уже достигла предела, выше которого нельзя было подняться — хотя и в Городе Солнца у него почти не осталось противников. Но он прекрасно знал, как трудно осилить еще хотя бы одну ступень. Для этого требовалось не только бросить вызов вождю предыдущей ступени и победить его, но и выдержать испытание божественным величием — устоять под его сокрушительным давлением на новой ступени. И лишь успешно выдержав его, можно было праздновать победу. Тао и сам пробовал штурмовать ее, но из десяти попыток семь неизменно заканчивались поражением. А в те три раза, когда удавалось победить, у него уже не оставалось сил противостоять давлению божественной мощи, и его мгновенно отбрасывало на прежнюю ступень. Так что в его словах было лишь три части правды и целых семь — утешительного вымысла.

— В этом году нужно выложиться до конца, нельзя ударить в грязь лицом перед сыном! — мысленно поклялся Тао.

При этом он испытывал абсолютную уверенность в своем мальчишке: в десять лет у Сяо Цзе уже прорезались крылья — на два года раньше, чем у самого Тао, а летать он научился меньше чем за полгода. Отец знал, что талант сына превосходит обычные мерки и в будущем тот непременно превзойдет его самого, унаследует власть и поведет весь род к возрождению. И уж будущему-то Сяо Цзе наверняка удастся взойти на ступени выше отцовских и возвыситься над мириадами смертных. Именно ради этого Тао упорно трудился, прокладывая сыну путь к легкому и безопасному взрослению. Но он понимал, что не сможет вечно быть рядом, и дальнейший долгий путь мальчику придется преодолевать самостоятельно, пусть даже на этом пути его ждут шрамы и раны.

Тао смотрел на сына, прильнувшего к оконцу и разглядывающего ужин, который готовила мать. В его душе шла борьба: ему предстояло принять одно непростое решение.

— Идите все к столу, ужин готов! — позвала из гостиной Цин, неся горшок с горячим супом.

Семейный ужин прошел оживленно, в веселых разговорах и теплой атмосфере. Отец рассказывал о сегодняшних происшествиях и новостях — будучи вождем, он всегда узнавал

обо всем первым. Сын хвастался родителям успехами в тренировках, а мать с улыбкой слушала их перепалку. Время за семейным столом пролетело незаметно.

...

...

— Сяо Цзе уснул? — спросила жена, едва он вошел в спальню.

— Да, только что заснул. Из-за завтрашнего паломничества так возбудился, что долго не мог успокоиться.

Заметив горькую улыбку супруги, Тао тоже улыбнулся:

— Мы ведь в первый раз на паломничестве точно так же себя вели. Словно на самих себя в детстве смотрим.

— И правда! Так хочется, чтобы бог оберегал нашего Сяо Цзе, чтобы он рос таким же счастливым, целеустремленным и беззаботным...

Цин сидела на кровати, сложив руки в молитвенном жесте, и возносила молитвы их божеству.

Глядя на молящуюся жену, Тао умолк, и слова, готовые сорваться с языка, снова застряли в горле.

— Спим, завтра рано вставать. Спокойной ночи, Цин.

— Угу. Ради меня и Сяо Цзе... будь осторожен завтра, Тао.

— М-м... да.

...

...

...

Солнце еще не взошло, а улицы Города Солнца уже кишели толпами людей, спешивших к центру — ко Дворцу Десяти Тысяч Драконов. Цин вела Сяо Цзе за руку среди этого людского моря. Тао же, в силу своего положения вождя, должен был намного раньше ожидать начала

паломничества у стен святилища. А у главных ворот Дворца Десяти Тысяч Драконов уже собрались остальные семеро вождей, по двое и по трое обсуждая что-то между собой.

— О! А вот и вождь Тао, как поживаете в последнее время?

К нему обратился крупный человекоподобный мужчина с львиной головой и птичьими крыльями.

— Ох, это вождь Райнхарт! Мое почтение. С прошлого года в племени царит мир, жена и сын здоровы, благодарю за беспокойство, старший товарищ.

— Отлично, отлично, прекрасно! Пойдемте, ворота вот-вот откроются, две святые девы — Света и Тьмы — тоже должны скоро подойти.

Тао и мужчина по имени Райнхарт плечом к плечу направились к воротам Дворца Десяти Тысяч Драконов.

— Кстати, в последнее время этот старик из Клана Стервятников вечно сам не свой, несет какую-то чушь, будто бог пробудился и мир изменится. Что думаешь об этом?

Уперев одну руку в бок, а другую прижав к виску на львиной голове с видом человека, замученного головной болью, Райнхарт заговорил с Тао о том, что тревожило его в последнее время. Тао тоже слышал об этом. Впрочем, в последнее время в Городе Солнца и впрямь происходило немало странного. Например, внезапные мощные выбросы магии из Дворца Десяти Тысяч Драконов, от которых теряли сознание прохожие, уже стали обычным делом для лекарей. Но ни восемь вождей, ни стража Города Солнца не имели права вмешиваться в дела дворца, так что всё спускали на тормозах, максимум предупреждая соплеменников держаться подальше от дворца, чтобы подобное не повторилось. Однако всегда находились непослушные смельчаки, движимые праздным любопытством. Кроме того, неуловимый в будние дни Ван Юйцзюэ зачастил во Дворец Десяти Тысяч Драконов, будто во внешнем мире случилось нечто грандиозное. Из-за этого вожди даже созывали тайное собрание, планируя поднять эти вопросы перед двумя святыми девами в надежде получить ответы. И наконец, то самое помешательство одного из вождей — «Стервятника», о котором упомянул Райнхарт, случившееся буквально за одну ночь по неизвестной причине. Сейчас он все еще стоял у ворот, докучая расспросами остальных вождей. Остальные главы племен, включая Тао и Райнхарта, оосознанно держались от него подальше.

— Послушай, вождь Стервятник обладает лучшим среди нас чувством магии. Пусть в бою он не силен, но благодаря этому дару его клан входит в четверку сильнейших среди наших восьми племен. И вот этот сильнейший в магическом чутье Стервятник за одну ночь внезапно «сошел с ума». Безусловно, на то есть причины. Хотя он формально остается вождем, судя по собранным сведениям, все дела его клана уже перешли в руки его жены и старшего сына. Так что, возможно, он не притворяется безумным — он и вправду пострадал от сильнейшего магического удара, которого не выдержал рассудок. А насколько же колоссальна должна быть магия, способная свести вождя Стервятников с ума? Смог бы так Ван Юйцзюэ, я не знаю, но

могу поручиться, что даже если сложить наши с тобой магические силы, Стервятник смог бы выстоять — даже если добавить к нам вождя клана Пёстрых Бабочек. Боюсь, это как-то связано с теми магическими бурями, что то и дело бушуют близ Дворца Десяти Тысяч Драконов.

— И ты придерживаешься того же мнения? Старик, я думаю примерно так же. Если исключить визиты могущественных чужаков, тех, кто способен сотворить такое со старым Стервятником, в Городе Солнца можно пересчитать по пальцам...

Райнхарт не договорил, но смысл прозвучал предельно откровенно. Брови Райнхарта слегка хмурились, а взгляд, брошенный на Тао, словно пытался передать нечто невысказанное.

— Едва ли... Вождь Стервятник хоть и бывал резок с людьми в мелочах, но преступлений такого масштаба не совершал... Или ты хочешь сказать, что его покарали за осквернение нашего бога?

Мгновенно уловив намек Райнхарта, Тао содрогнулся всем телом, а на его лице отразилось крайнее изумление. Он прекрасно понимал, о каких небожителях говорил Райнхарт. Ван Юйцзюэ — Фаньчжо, Юй, Родерик, тысячелетиями стоявший на Второй ступени и непоколебимый в своем могуществе; правая рука Бога Неба — святая дева Бай Е; командир рыцарей Дворца Десяти Тысяч Драконов — Командир рыцарей Тяньфэн. Каждый из них был существом, бесконечно близким к божеству, и занимал колоссальное положение в Городе Солнца. За исключением отражения вражеских нападений и ежегодной Ассамблеи Паломничества, они обычно не показывались на глаза, служа Богу Неба в глубинах дворца. И покидать дворец ради расправы над вождем какого-то заурядного уровня казалось невыносимым. Но если бы тот действительно позволил себе недостойные речи и оскорбил Бога Неба, эти небожители несомненно ниспослали бы небесную кару. Однако, судя по их знанию Стервятника, тот не обладал подобной дерзостью. Выходило, что проблема возвращалась к исходной точке.

Пока они ломали над этим головы, створки ворот открылись. Навстречу гостям вышла левая рука Бога Неба — святая дева Бай Чжоу.

— Долго же вы ждали, уважаемые вожди, прошу за мной во дворец.

Бай Чжоу изящно поклонилась, но вожди с удивлением заметили, что ее младшей сестры Бай Е среди встречающих нет. Это невольно вызвало вопросы. Следуя за Бай Чжоу, вожди переступили порог Дворца Десяти Тысяч Драконов. И в тот самый миг, когда их ноги коснулись пола святилища, на них обрушилось цунами магии, хлынувшее словно из прорванной плотины, едва не сбившее их с ног. Им пришлось напрячь все силы и проявить предельную бдительность, чтобы противостоять этой «стихии». Вожди, еще недавно соперничавшие друг с другом, словно по молчаливому сговору объединили усилия, высвободив магию для создания общего защитного барьера, отсекающего их от магического шторма. Натиск внезапно ослаб, и вожди облегченно выдохнули. Одежда на их спинах уже промокла от пота, а по лбу катились холодные капли. Неужели этот гигантский вал и был источником тех самых подземных толчков, что вырубали людей у стен дворца? Между тем Бай Чжоу двигалась среди бушующего цунами магии неторопливо и грациозно, не меняя осанки.

— Магия нашей повелительницы снова вышла из-под контроля?

Слух остроухого вождя со львиной головой уловил тихий шепот шедшей впереди Бай Чжоу, хотя остальные семеро ничего не расслышали.

— Повелительница? Вышла из-под контроля?

Похоже, нынешнее паломничество разительно отличалось от всех предыдущих. Райнхарт уже мысленно приготовился ко всему, чтобы справиться с любыми неожиданностями.

Войдя в Зал Трона, они увидели Вана Юйцзюэ, стоявшего на второй ступени и с хмурым выражением лица оглядывавшего прибывших.

— Нынче вы прибыли в залу позже обычного, у господ возникли какие-то затруднения?

Ноты упрека звучали более чем отчетливо.

— Тысяча извинений, уважаемый Ван Юйцзюэ...

— Довольно. Чтобы впредь подобного не повторялось — пренебрежение нашей повелительницей не сулит добра.

Не дав вождям закончить оправдания, Ван Юйцзюэ оборвал их на полуслове, явно не желая заводить долгих разговоров. Он отвернулся, не намереваясь продолжать допрос.

Почувствовав облегчение, вожди дружно выдохнули и заняли места на соответствующих ступенях. Райнхарт встал у основания Лестницы Восхождения к Божеству, заняв вторую позицию среди вождей; обезумевший Стервятник тихо встал на четвертую, а Тао — на шестую. Упомянутый ими вождь клана Пёстрых Бабочек оказалась прекрасной женщиной с семицветными крыльями за спиной, занявшей седьмую позицию. Заняв свои места на ступенях, вожди вместе с Ваном Юйцзюэ устремили взоры на самую верхушку лестницы — туда, где пребывало их «божество». Из-за огромной высоты ступеней разглядеть облик «бога» не представлялось возможным, можно было лишь ощущать его ауру и само присутствие. Святая дева Бай Чжоу, приведя гостей в Зал Трона, начала подъем по Лестнице Восхождения к Божеству. Поравнявшись с Командиром рыцарей Тяньфэн, стоявшем на четвертой ступени, она обменялась с ним почтительными поклонами, после чего заняла третью ступень позади Вана Юйцзюэ. Обернувшись, Ван Юйцзюэ перекинулся парой слов с Бай Чжоу и Командиром рыцарей, кивнул им и вновь повернулся лицом к вершине лестницы.

Лучи восходящего солнца пробились сквозь витражи, осветив Зал Трона Дворца Десяти Тысяч Драконов. Золотое сияние залило нижние ступени и стоявших на них людей.